

ФИЛОЛОГИЯ*(специальность: 10.02.19)*

УДК 81

Р.С. Ильясова*Чеченский государственный университет**г. Грозный, Россия****А.И. Дадаева****Чеченский государственный**педагогический университет**г. Грозный, Россия**redaction-el@mail.ru***ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ КОММУНИКАТИВНЫХ ФУНКЦИЙ
ФАТИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ
В РОМАНЕ Ф. О'БРАЙЕНА «ТРЕТИЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ»*****[Raisa S. Ilyasova, Albina I. Dadaeva*****Basic models of communicative functions of phatic communication
in F. O'Brien's novel "Third Police Officer"]**

It is analyzed the characteristic of linguistic behavior, which is common to many common social contacts. It is intended to develop several theoretical questions. First, the study will draw to a sociolinguistic framework designed to analyze natural conversation. This framework will be applied to rather an unusual dialogue that takes place between the characters in F. O'Brien's novel "The Third Policeman". Such an analysis will highlight the ways in which a writer can manipulate the conventions of "normal conversation" to achieve particular effect, and thereby explain the comic impact of this fictional dialogue. In this respect, analysis can be viewed as an exercise in discursive stylistics. Second, on the contrary, it is assumed that subsequent analysis of literary dialogue will have some implications for the study of natural conversation.

Key words: communication, dialogue, character, discourse, lexeme, conversation, language, phatic sign.

Одна банальная особенность естественного разговора служит отправной точкой для его стилистического анализа. Этот рутинный аспект взаимодействия известен как фатическое общение и относится к стереотипным замечаниям, которые говорящие делают в начале и в конце беседы. Для целей своего анализа обратимся к исследованиям Джона Лейвера о коммуникативных функциях фатического общения. Дж. Лейвер предположил, что виды комментариев или

«лексем» – которые говорящие используют в фатических обменах, можно разделить на три категории: «(1) нейтральные лексемы – комментарии, относящиеся к непосредственному контексту взаимодействия, которые не являются личными ни для говорящего, ни для слушающего; (2) самоориентированные лексемы-комментарии к факторам, которые являются личными для говорящего; (3) другие ориентированные лексемы – комментарии к факторам, которые являются личными для слушающего» [4, с. 215]. На выбор того или иного типа лексем, как утверждается, влияют важные контекстуальные ограничения – не в последнюю очередь относительный социальный статус взаимодействующих.

Дж. Лейвер продолжает включать эту структуру в свой анализ некоторых диалогических дебютов в диалоге романа Фленна О'Брайена «Третий полицейский». Сосредоточимся на характеристике языкового поведения, которая является общей для многих повседневных социальных контактов: фатическое общение. В данной статье предполагается разработать несколько теоретических вопросов. Во-первых, исследование будет опираться на социолингвистическую структуру, предназначенную для анализа естественного разговора. Эти рамки будут применены к довольно необычному диалогу, который происходит между персонажами романа Ф. О'Брайена «Третий полицейский». Есть надежда, что такой анализ выявит способы, которыми писатель может манипулировать условностями «нормального разговора» для достижения особого эффекта, и тем самым объяснит комическое воздействие этого вымышленного диалога. В этом отношении анализ можно рассматривать как упражнение в дискурсивной стилистике. Во-вторых, напротив, предполагается, что последующий анализ литературного диалога будет иметь некоторые последствия для изучения естественного разговора.

Как ни странно, исследуя поразительно необычные взаимодействия в художественном тексте, мы можем обратить внимание на дискурсивные паттерны в повседневном взаимодействии. Этот принцип согласуется с В. Малиновским в том смысле, что мы часто признаем нормы только тогда, когда они нарушены. Другими словами, как носители языка, наши ожидания в отношении разговора часто подчеркиваются, когда эти ожидания удерживаются. Цель исследования состоит в том, чтобы предложить некоторые разумно систематические комментарии к принципам, которые делают диалог абсурдным. Например, в словаре литературных терминов абсурдизм описывается следующим образом: «это на-

звание применяется к ряду произведений в драматургии и прозе, которые имеют общий смысл, что человеческое состояние существенно и неискоренимо абсурдно, и что это состояние может быть адекватно представлено только в произведениях литературы, которые сами по себе абсурдны» [1, с.16].

В общем, под фатическим общением понимается вид ритуального языкового поведения, который характеризует начало и конец беседы. Обычно это включает в себя шаблонные гамбиты приветствия и прощания (например, «Здравствуйте», «Доброе утро»), а также набор стереотипных замечаний, касающихся погоды. В. Малиновский, который фактически ввел этот термин в 1920-е гг., определил фатическое общение как «тип речи, в которой узы союза создаются простым обменом словами» [5, с. 112]. Кроме того, он подчеркивает, что в фатическом обмене фактические слова выполняют социальную функцию, и это является их главной целью, но они не являются результатом интеллектуальной рефлексии и не обязательно вызывают интерес у слушателя [5, с. 138]. В этом отношении можно сказать, что информация, передаваемая между взаимодействующими в фатическом обмене, является индексальной, а не когнитивной. Дж. Лейвер определяет его как «рутинную пустоту», которую люди выполняют в вербальном взаимодействии. Помимо всего прочего, эта «светская беседа» помогает избежать неудобного молчания в начале и конце разговора. Это особенно актуально при встречах с новыми знакомыми [4].

В своей работе, озаглавленной «Коммуникативные функции фатического общения», Дж. Лейвер предлагает полезное описание того, какие стратегии используют говорящие в начальной и заключительной фазах разговора. В этом исследовании Лейвер опирается на свои личные наблюдения за языковым поведением на начальной и конечной стадиях встреч. Хотя он признает, что большая часть этой работы все еще носит исследовательский характер, он все же утверждает, что его методологическая процедура дает широкую меру согласия в отношении вовлеченных поведенческих феноменов. Дж. Лейвер замечает, что, особенно в начальной фазе разговора, говорящие часто делают совершенно очевидные замечания друг другу. Эти комментарии или лексемы, имеют коммуникативную функцию, поскольку они служат для того, чтобы нарушить любое неудобное молчание, а также закладывают основу для дальнейшего взаимодействия. В этом отношении фатические лексемы используются для того, чтобы сделать переход от невзаимодействия к взаимодействию плавным. Дж. Лейвер развивает свою теорию следу-

ющим образом. Он предлагает типологию, которая предназначена для учета буквальная ссылки на фатические лексемы. В основе этой типологии – нейтральные токены. Они содержат ссылки на факторы, относящиеся к контексту ситуации, которые не являются личными ни для говорящего, ни для слушающего. В английском языке такие лексемы часто являются комментариями к погоде. Однако существуют и другие виды нейтральных знаков.

Довольно странный сюжет «Третьего полицейского» сосредотачивается на безымянном рассказчике от первого лица. В начале романа этот главный герой вступает в партнерство с мошенником по имени Дивни. Вместе они убивают старика и отнимают у него таинственный черный ящик, в котором, по-видимому, содержатся несметные богатства. Однако вскоре главный герой, в свою очередь, убит своим сообщником по преступлению.

После своей смерти, которая происходит во второй главе книги, он рассказывает о своих странных приключениях в кошмарном мире, где он сталкивается с парой чрезмерно тучных полицейских по имени Сержант Плак и полицейский Мак-Кружкин. Подразумевается, что странные события романа будут разворачиваться снова и снова, в бесконечном цикле. Главный герой был арестован за непонятное убийство, которое на самом деле не связано с тем, что он сам совершил. Поскольку он имеет несчастье находиться поблизости, когда весть об убийстве достигает полицейских казарм, его арестовывают и приговаривают к смертной казни.

По мнению Дж. Лейвера, Мак-Кружкин – «пришелец» и предлагает фатический знак главному герою, который статичен в пространстве. Более того, причины, приводимые самим Лейвером относительно того, почему пришедший должен инициировать фатический обмен, кажутся несколько абстрактными: говорящий признает, что в некотором смысле статичный слушатель находится в более тесных психологических отношениях с непосредственной территорией, чем он сам, и что в некотором смысле слушатель может рассматриваться как владелец этой территории [4].

Здесь статичный слушатель находится непосредственно на территории своего собеседника и, поскольку он также находится под арестом, он вряд ли будет находиться в тесной «психологической связи» с этой территорией. Тем не менее, сказав это, пришедший все же инициирует – независимо от предположений Дж. Лейвера относительно психологической основы такого иници-

рования. Роман в этом отношении устанавливает свою собственную интра-текстуальную норму, хотя имеет ли эта особенность какое-либо тематическое значение – другой вопрос. Важно помнить, что, возможно, самая важная мотивация фатического посвящения заключается в том, что говорящий хочет заявить, что его намерения миролюбивы [3].

Как указывает Лейвер, говорящий «утверждает свою социолингвистическую солидарность со слушателем». Однако, поскольку в этой начальной фазе разговора психологический комфорт соучастников подвергается наибольшему риску, тема фатических лексем должна быть эмоционально непротиворечивым материалом и именно это конкретное понятие в конечном итоге проникает в «абсурдность» высказывания полицейского.

Если бы не выбор полицейским фатической темы, высказывание точно следовало бы формуле, изложенной Дж. Лейвером. Но бойкие разговоры о надвигающейся смерти слушателя едва ли укрепляют отношения участников и не облегчают переход к взаимодействию и от него. Возможно, именно потому, что МакКружкин скрупулезно следует всем другим формулам Лейвера, но при этом так резко отклоняется от выбранной им темы, это высказывание во многом приобретает комический эффект. Следующий обмен репликами происходит между главным героем и вторым полицейским, сержантом Плаком, который, очевидно, не менее тучен, чем его коллега: « Вскоре выяснилось, что стук молотком был делом рук сержанта Плака. Он стоял, улыбаясь мне с порога, и выглядел большим, живым и на удивление сытым завтраком. Поверх тугого воротника туники он носил Красное кольцо, которое выглядело свежим и декоративным, как будто его принесли прямо из прачечной. Его усы были влажными от выпитого молока... – Доброе утро вам в утреннее время, – любезно сказал сержант. Я ответил ему вежливо ...» [2]. В этом обмене происходит несколько интересных вещей: во-первых, входящий инициирует фатический обмен, во-вторых, умиловительный аспект лексемы усиливается контекстуальными подсказками. Интересно также, что главный герой признает фатическую цель, отвечая своему собеседнику вежливо.

Здесь материал эмоционально бесспорен, поскольку сержант выбирает более традиционную формулу для этого приветствия. Возможно, на этом этапе будет уместно остановиться на следующем примере фатического общения – обмен репликами, опять же между сержантом и главным героем: «Сержант очень деликатно постучал в дверь, вошел с большой учтивостью и пожелал

мне доброго утра» [2]. Следует отметить, что этот фатический обмен существенно отличается от двух предыдущих примеров в своей фактической текстуальной реализации. В этом случае высказывание сержанта глубоко укоренено в центральной повествовательной структуре.

В финале романа главный герой убегает из полицейского Барака. Слово «побег», пожалуй, довольно сильно, так как он просто садится на велосипед и небрежно уезжает! Именно во время этого ночного полета происходит инцидент. На самом деле это противостояние происходит с «третьим полицейским», упомянутым в названии романа. Однако мы ранее не встречались с этой загадочной фигурой, хотя она и заслоняет собой всю историю. Следует подчеркнуть, что напряженность здесь значительна, так как огромный полицейский приближается в темноте и делает это, возможно, кульминационной сценой романа: *«...шаги внезапно загремели на проезжей части менее чем в шести ярдах от меня, подошли сзади и остановились..., мое сердце почти остановилось также. Каждая часть меня, находившаяся позади меня – шея, уши, спина и голова – сжималась и болезненно дрожала перед лицом того, кто стоял рядом со мной, ожидая нападения неопишуемой ярости. И тут я услышал эти слова. Вот это отважная ночь! Я обернулся в изумлении!»* [2]. В этом примере достигается очень тонкое несоответствие. Повествовательная деталь, предшествующая высказыванию полицейского, предсказывает «нападение неопишуемой свирепости». Однако вместо этого ожидаемого натиска полицейский просто выдает приветливый, расслабленный фатический знак. Действительно, это нейтральная маркировка, реализованная, в данном случае, банальным замечанием о погоде. Трудно представить себе «более безопасное», более приземленное начало разговора. Сама банальность этого фатического знака создает здесь своего рода отклонение.

Несоответствие между ожидаемой и реализованной формой поразительно – действительно, поразительно до такой степени, что главный герой (как показывает последующее повествование) слишком потрясен, чтобы даже ответить. Однако стратегия вежливости, реализуемая в форме фатического знака, оказывается весьма неожиданной. Стоит повторить, что предсказывается «натиск неопишуемой свирепости»: то, что предлагается, – это мягкий, солидарный, нейтральный фатический знак. В случае Ф. О'Брайена, языковая рутина повседневных социальных контактов обеспечивает набор условностей, которые могут быть использованы через диалог, который он приписывает своим вымышленным персонажам.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
2. *О'Брайен Ф.* Третий полицейский. URL: <https://knijky.ru/books/tretiy-policeyskiy>
3. *Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.
4. *Laver J.* Communicative functions of phatic communication // Organization of behavior in face-to-face interaction: textbook / ed. by A. Kendon, R. M. Harris, M.R. Key. The Hague: Mouton, 1975. P. 215–238.
5. *Malinowski B.* Phatic Communion // Communication in face-to-face interaction: textbook / ed. by edited by J. Laver, S. Hutcheson. Harmondsworth: Penguin Books, 1972. P. 146.

R E F E R E N C E S

1. *Akhmanova O.S.* Dictionary of linguistic terms. M.: Soviet encyclopedia, 1969.608 p.
2. *O'Brien F.* The third policeman. URL: <https://knijky.ru/books/tretiy-policeyskiy>
3. *Yakobson R.O.* Linguistics and poetics // Structuralism: "for" and "against". M., 1975.S. 193–230.
4. *Laver J.* Communicative functions of phatic communication // Organization of behavior in face-to-face interaction: textbook / ed. by A. Kendon, R. M. Harris, M.R. Key. The Hague: Mouton, 1975. P. 215–238.
5. *Malinowski B.* Phatic Communion // Communication in face-to-face interaction: textbook / ed. by edited by J. Laver, S. Hutcheson. Harmondsworth: Penguin Books, 1972. P. 146.

28 октября 2020 г.
